

Торопцев Денис Анатольевич, аспирант
Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-Х НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ

Аннотация: Великая Отечественная война, завершившаяся в 1945 году, принесла Советскому Союзу величайший триумф, однако цена этой победы была невероятно высокой. Война унесла около 27 миллионов жизней и оставила миллионы людей с физическими увечьями, что создало огромную проблему для государства и общества. В условиях сталинского режима, который стремился скрыть все негативные аспекты войны, инвалиды стали «нищими победителями», вынужденными бороться за свое существование в условиях социальной изоляции и недостатка поддержки.

Статья исследует трагическую судьбу инвалидов войны, которые, несмотря на свои заслуги, оказались на обочине общества. По оценкам, около 3,8 миллиона солдат были демобилизованы с ранениями, из которых более 2,5 миллиона стали инвалидами. Эти люди сталкивались не только с физическими страданиями, но и с бюрократическими барьерами, когда государственные структуры отказывались признавать их инвалидность или снижали ее степень, чтобы сократить расходы на пенсии и социальные пособия.

Государственная политика в отношении инвалидов была жесткой и ориентированной на трудовую мобилизацию. Инвалидность рассматривалась как временное состояние, и многие ветераны лишались своих пенсий и социальных гарантий. В результате, многие из них были вынуждены заниматься попрошайничеством или искать другие способы выживания, включая участие в теневой экономике.

Статья также затрагивает тему социального восприятия инвалидов в послевоенном обществе. Несмотря на героический статус ветеранов, они часто становились жертвами дискриминации и социальной стигматизации. Запрет на

создание ассоциаций ветеранов и закрытие мест встречи, таких как кафе и рестораны, лишь усугубляло их изоляцию.

Ситуация начала меняться только в 1960-х годах, когда государство стало расширять льготы для инвалидов войны, однако многие из них продолжали страдать от несоответствия между обещаниями и реальностью. В статье подчеркивается, что история инвалидов войны остается одним из белых пятен в исторической памяти о Великой Отечественной войне, требующим дальнейшего изучения и осмысления.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, инвалиды войны, «нищие победители», высылка из городов, «белые пятна» истории, жесткая практика признания инвалидности, врачебно-трудовые экспертные комиссии, государственные пенсии, принудительное трудоустройство, валаамский дом инвалидов.

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством Мельниченко О.В., д.и.н., доцента, профессора кафедры «История России и методика преподавания истории»

Toroptsev Denis Anatolyevich

Penza State University, Penza, Russia

PROBLEMS OF SOCIAL SECURITY FOR THE DISABLED OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE SECOND HALF OF THE 40S AND EARLY 60S

Annotation. The Great Patriotic War, which ended in 1945, brought the Soviet Union its greatest triumph, but the price of this victory was incredibly high. The war claimed about 27 million lives and left millions of people with physical injuries, which created a huge problem for the state and society. Under the conditions of the Stalinist regime, which sought to hide all the negative aspects of the war, the disabled

became "poor winners", forced to fight for their existence in conditions of social isolation and lack of support.

The article explores the tragic fate of war invalids who, despite their merits, found themselves on the sidelines of society. It is estimated that about 3.8 million soldiers were demobilized with injuries, of which more than 2.5 million became disabled. These people faced not only physical suffering, but also bureaucratic barriers when government agencies refused to recognize their disability or reduced its degree in order to reduce the cost of pensions and social benefits.

The Government's policy towards people with disabilities was strict and focused on labor mobilization. Disability was considered a temporary condition, and many veterans were deprived of their pensions and social guarantees. As a result, many of them were forced to engage in begging or look for other ways of survival, including participation in the shadow economy.

The article also touches on the topic of social perception of disabled people in post-war society. Despite the heroic status of veterans, they were often victims of discrimination and social stigmatization. The ban on the establishment of veterans' associations and the closure of meeting places such as cafes and restaurants only exacerbated their isolation.

The situation began to change only in the 1960s, when the state began to expand benefits for war invalids, but many of them continued to suffer from the discrepancy between promises and reality. The article emphasizes that the history of war invalids remains one of the blank spots in the historical memory of the Great Patriotic War, requiring further study and reflection.

Keywords: The Great Patriotic War, war invalids, "poor victors", expulsion from cities, "white spots" of history, harsh practice of recognizing disability, medical and labor expert commissions, state pensions, forced employment, Valaam home for the disabled.

Acknowledgements: the article was prepared under the scientific supervision of O.V. Melnichenko, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department "History of Russia and Methods of Teaching History"

1945 год принес Советскому Союзу величайший триумф окончательной победы над немецкими захватчиками, хотя и ценой, пожалуй, самой страшной трагедии в его истории. Война не только унесла около 27 миллионов человеческих жизней, но и оставила несчетное количество вдов, сирот и инвалидов. В сталинское время все, что могло бы бросить тень на военные заслуги Советского Союза, замалчивалось или отрицалось. Несмотря на то что эти, в сущности, трагические и между тем включенные в исторический большой нарратив Великой Отечественной войны события заняли видное место в национальной памяти, сохранялось официальное молчание о потерях и лишениях и, таким образом, об изувеченных жертвах войны. Этому сопутствовала героизированная политика истории, которую практически не занимал вопрос о социальных затратах войны и в особенности об инвалидах [1, с.10].

По мнению очевидцев, [2,с.15], инвалиды принадлежали к числу самых нуждающихся среди «нищих победителей». Аркадий Шевченко, в частности, вспоминает: «Мужчины возвращались домой с фронта, кто без рук, кто без ног, разные ранения были обычным делом. Ветераны надевали свои орденские колодки, попрошайничая на уличных углах. Они появлялись на открытых рынках и старались сбыть свои медали и шинели, короче — все то, что им удалось сохранить с войны» [3,с. 24]. До сих пор можно услышать рассказы о том, как в конце 1940-х — начале 1950-х из Москвы и других крупных городов инвалидов высылали в отдаленные регионы, чтобы огромная проблема обеспечения меньше бросалась в глаза [4,с. 16].

Таким образом, даже после распада Советского Союза проблема инвалидов войны все еще связана, с одной стороны, с многочисленными табу и, с другой стороны, с различными впечатлениями и предположениями. Будучи

нежелательным предметом исследования, тема инвалидов войны изучалась не систематически, не говоря уже о широком осмыслении проблемы в целом. Даже когда в ходе «архивной революции» появилась возможность восполнить белые пятна, эта проблематика оказалась лишь вскользь затронутой все разрастающимся потоком публикаций о Второй мировой войне [5, с. 30]. Как следствие, история инвалидов — жертв Великой Отечественной войны не только не стала темой научных исследований, но и не нашла отражения в сознании многих современников, переживших войну.

Масштабы проблемы

Ни в одной из и без того редких речей Сталина военной и послевоенной поры не упоминается огромная армия инвалидов. Само по себе существование бесчисленных искалеченных ветеранов было упреком и, возможно, даже угрозой режиму и его вождю, который считал славную во всех отношениях победу исключительно собственной заслугой. Инвалиды войны с трудом вписывались в лучезарную картину военного триумфа, поскольку наряду с миллионами погибших они слишком очевидно «олицетворяли» ту ужасную цену, которую советскому народу пришлось заплатить за победу.

Согласно одной из новейших публикаций Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, во время войны было демобилизовано около 3,8 миллиона солдат с ранениями и по состоянию здоровья, из них 2 576 000 покинули армию как непригодные к службе инвалиды [6, с. 35]. Остается неизвестным, сколько из них было вылечено или умерло от ранений. Последующие подсчеты проводились уже не военными учреждениями, а народными комиссариатами (с марта 1946 года - министерствами) социального обеспечения, которые ограничивались республиканским уровнем. Переписью офицеров ведали военные комиссариаты. Официальные данные этих учреждений никогда не были опубликованы, в нашем распоряжении нет даже приблизительных цифр [7, с.

39]. Поэтому масштабы проблемы инвалидов войны остаются до сих пор неопределенными.

Существуют, правда, данные, согласно которым весной 1945 года на территории всего Советского Союза насчитывалось около 2 миллионов инвалидов войны [8,с. 41]. Поскольку после войны к ним добавились лица из демобилизованных, репатриированных и партизан, то количество инвалидов должно было бы существенно превышать эти показатели. По самым минимальным предположительным подсчетам, оно должно было бы составлять 2,7 миллиона. Таким образом, число советских инвалидов могло равняться 8% общего состава армии (34 миллиона солдат) — довольно низкий показатель, если учитывать невероятную жестокость развязанной немцами войны на уничтожение, а также беспощадное обращение с человеческими жизнями в Красной армии [9,с. 33]. Эта пропорция не отражает реального числа ранений и заболеваний и должна трактоваться исключительно как результат сознательно жесткой практики признания инвалидности [10,с. 19].

Инвалидность — гибкая категория

Правовая и идеологическая семантика категории инвалидности, сложившаяся в 1930-е годы в ходе сталинской «революции сверху», кардинально изменила смысл понятия «инвалидность», замкнув его на производстве, а не на здоровье [11,с. 18]. Высшей целью отныне провозглашалась мобилизация рабочих сил для строительства социализма. Соответственно инвалидность (а вместе с ней и право на государственную пенсию) давалась с этого момента не за обычные телесные увечья, а только при полной потере трудоспособности, причем на срок не больше одного года.

Заточенное под трудовую политику определение инвалидности нашло отражение во введенной в 1932 году трехступенчатой системе. Согласно новой классификации к первой группе инвалидов относились лица, полностью утратившие трудоспособность и нуждающиеся в постоянном уходе. На вторую группу инвалидности могли претендовать те, кто признавался

нетрудоспособным, но не нуждался в постороннем уходе. Наконец, третья группа включала в себя лиц, частично потерявших трудоспособность, но вполне способных выполнять при облегченных условиях труда малоквалифицированную, низкооплачиваемую работу [12, с. 27]. Если раньше в задачу врачей входило определение степени инвалидности или процента потери трудоспособности, то теперь они были обязаны устанавливать степень остаточной трудоспособности. Таким образом, действовавшая ранее связь между болезнью и трудоспособностью утратила свою силу [13, с. 67]. Трудоустройство приобрело приоритетное значение среди всех мер социального обеспечения инвалидов и даже превратилось в их единственную цель [14, с. 43].

В период Второй мировой войны новые, ориентированные на производство принципы применялись в массовом порядке к солдатам, демобилизованным из-за нарушений опорно-двигательного аппарата [15, с. 47]. Определением степени инвалидности ведали Врачебно-трудовые экспертные комиссии (ВТЭК), подчинявшиеся Наркомсобесу [16, с. 50]. Уже 9 августа 1941 года глава Наркомсобеса Анастасия Гришакова потребовала от ВТЭК особой строгости при обследовании инвалидов [17, с. 21]. Запрещалось давать инвалидность тем лицам, кто еще мог работать по старой профессии, даже в случае потери одного глаза или конечностей. Лишь в тех случаях, когда нарушения функций были настолько сильными, что пострадавшие были способны выполнять только малоквалифицированную работу, с урезанной заработной платой и облегченными условиями труда, разрешалась выдача инвалидности третьей группы [18, с. 87].

Поскольку врачебные комиссии поначалу неохотно следовали этим предписаниям, в июне 1942 года инструкции были ужесточены [19, с. 65]. Народный комиссариат социального обеспечения предписывал привлекать к труду инвалидов второй группы (в принципе совершенно нетрудоспособных) в качестве тыловых и вспомогательных работников. Кроме того, с мая 1943 года были наполовину сокращены интервалы между осмотрами таким образом, что

инвалиды первой группы должны были проходить контроль каждые шесть месяцев, а инвалиды второй и третьей групп — каждые три месяца [20,с 73]. При повторной проверке учитывалось не только улучшение состояния здоровья, но и индивидуальные способы компенсации и приспособления к увечьям. При этом участию в производственной деятельности приписывался оздоровительный эффект, а сама работа в советском сознании ассоциировалась с реабилитационным процессом и процедурами [21,с. 31].

В результате массивного давления сверху в первые два года войны многочисленные инвалиды третьей группы лишились инвалидности и предусмотренных для них пенсий [22,с. 36]. В данном случае, помимо потребности в рабочих руках, определенную роль сыграли затраты на резко возросшее число инвалидов. С осени 1943 года органы социального обеспечения активно занялись сокращением доли инвалидов второй группы. Систематические досрочные массовые медицинские обследования по всей стране привели к снижению квоты с 52,7% (1942) до 35,4% (1944) и в итоге до 21,1% в 1948 году [23,с. 71]. Эта политика коснулась сотен тысяч инвалидов, многие из которых имели несколько ранений. Отныне они подлежали обязательному трудоустройству и усиленному государственному контролю, нацеленному на пресечение «спекулянтства», якобы распространенного среди вернувшихся с фронта инвалидов.

Грубая государственная политика трудовой мобилизации достигла своего апогея в формуле, согласно которой все полученные на войне увечья, в отличие от приобретенных на производстве, являются не чем иным, как локально ограниченными дисфункциями, которые легко компенсируются и не имеют особых негативных последствий для организма [24,с. 52]. Против этого утверждения посыпались протесты, однако в распоряжении инвалидов не было официальных средств для обжалования заключений ВТЭКов. Не считая попыток запугивания или подкупа, оставался только единственный путь — традиционные челобитные. Жалобы инвалидов, особенно на перевод в третью группу, не предусматривавшую освобождение от трудовой повинности,

доходили не только до местных, региональных и центральных органов соцобеспечения, военных органов или профсоюзов, но и до ЦК, Верховного Совета, Совета министров, газет и журналов или отдельных известных людей. По данным различных учреждений, число жалоб резко возросло после окончания войны. Разрозненность архивных документов не позволяет проследить количественную динамику жалоб [25,с. 42]. Судя по документированным случаям, только единичные жалобы имели успех, при том что жесткие экспертные заключения ВТЭКов, как правило, полностью отвечали установкам политического руководства. Однако инвалиды ни в коем случае не признавали себя бестелесными «производственными единицами» и требовали соответствующую материальную компенсацию как жертвы войны, из-за которой они вынуждены страдать всю оставшуюся жизнь [26,с. 38].

Другим из упомянутых оснований для частых жалоб были регулярные контрольные обследования. Хотя неизлечимые инвалиды подлежали с января 1944 года только одному обследованию ВТЭК в год [27,с. 92], они воспринимали это условие как намеренное издевательство: «Каждый год они вызывали тебя, хотя они все прекрасно понимали — начиная от Сталина и до простого врача, — что за год ноги не вырастут. Самая настоящая подлость! Это подлинное преступление перед народом, инвалидами... там были вообще без рук и без ног. Без обеих рук, и все равно тебя вызывали» [28, с. 61].

Государственные пенсии и материальное обеспечение

Пострадавшие на войне и признанные инвалидами имели право на государственные пенсии, которые, однако, особенно в первые два года войны из-за нехватки кадров и организационных проблем, подсчитывались неправильно и перечислялись нерегулярно. Пенсии по инвалидности были невысокими и крайне дифференцированными [29,с. 17]. Размер пенсии зависел, во-первых, от величины получавшегося до мобилизации заработка, во-вторых, от военного звания и, в-третьих, от группы инвалидности. Рабочие имели преимущества перед крестьянами, офицеры перед солдатами, а тем, кто был

призван со школьной скамьи или (в большинстве случаев) не мог доказать своих доходов, выплачивалось одинаковое небольшое пособие [30,с 71]. Тем не менее выплата пенсий была единственной функционировавшей (по меньшей мере, с 1943 года) программой в арсенале государственной политики социального обеспечения инвалидов. Однако, в отличие от других аспектов этой политики, пенсии практически никак не использовались государством в пропагандистских целях. Считалось, что чрезмерное выплачивание государственного пенсионного обеспечения будет способствовать распространению «иждивенческого сознания» (*Versorgungsmentalität*) [31,с. 93].

Пенсий, которые выплачивались инвалидам первой группы, то есть неспособным к труду и нуждающимся в постороннем уходе, не хватало ровным счетом ни на что. Две другие группы получали еще меньше. Государство изначально сделало ставку на активную поддержку инвалидов их семьями и даже требовало ее от жен, используя «морально-педагогические» рассказы, публиковавшиеся в женских журналах [32,с. 38]. Однако не все инвалиды могли рассчитывать на помощь родственников. Многие добровольно отказывались от нее, например, потому, что не хотели быть обузой для родных, другие же были брошены своими семьями на произвол судьбы. Сотни тысяч уроженцев оккупированных территорий, вернувшихся только в 1943-1944 годы в свои родные места, поначалу были полностью предоставлены самим себе. Поэтому многие из них оказались в тяжелейшем положении, которое усугублялось еще и тем обстоятельством, что выдача продовольственных карточек инвалидам осуществлялась нерегулярно и карточная система не всегда функционировала.

Чтобы хоть как-то облегчить нужду, в целом ряде городов инвалидам выдавались единовременные финансовые и материальные пособия. Поскольку это сильно ударило по местным бюджетам, то локальным властям пришлось обратиться к населению за помощью в сборе пожертвований, одежды и проведении благотворительных мероприятий [33,с. 47]. Тем самым была возрождена своеобразная филантропическая деятельность, широко

распространенная в свое время в царской России и частично разрешенная в 1920-е годы при НЭПе. Во времена хронического дефицита даже сталинский режим допускал временный возврат к «буржуазным» практикам. Частные лица и церковь инициировали разного рода сборы пожертвований, но еще чаще «добровольно-принудительная» инициатива исходила от местных партийных органов, комсомола или профсоюзов. Во многих городах эти организации и местные военкоматы старались обеспечить дополнительную поддержку инвалидов. Однако деревня, в которой проживало более 50% всех инвалидов, осталась практически ни с чем. В сельской местности облегчить нужду были призваны крестьянские кассы взаимопомощи. Но они, во-первых, учреждались не везде и, во-вторых, были уже безнадежно перегружены пособиями вдовам и сиротам.

Без дополнительной поддержки членов семьи или собственных доходов могла выжить только небольшая группа инвалидов, которая быстро освоила искусство заявлений и жалоб — не всегда легальную стратегию, обращение к которой тем не менее провоцировало само государство заведомой неразберихой в вопросах полномочий и справок. Некоторым инвалидам удалось получить денежную и материальную помощь от разных учреждений одновременно. Самым ловким оказался профессиональный вор и мошенник Венямин Борухович Вайсман. После того как после побега из лагеря ему ампутировали в 1944 году обе обмороженные ноги и одну руку, он выдавал себя вплоть до своего ареста 30 мая 1946 года за инвалида войны и дважды Героя Советского Союза. Обвешанный многочисленными орденами и медалями, он получил от 32 министров или их заместителей, а также от ЦК КПСС свыше 50 000 рублей наличными и товаров на сумму 30 000 — 40 000 рублей. При этом даже чрезвычайно экономный министр финансов Арсений Зверев выдал Вайсману талоны на товары, общая стоимость которых превышала 20 000 рублей. Кроме того, он получил ордер на квартиру в Киеве, направление на регулярные лечебные процедуры и ножные протезы новейшей конструкции. Но Вайсман являлся исключением [34,с. 61]. Только немногим удалось победить советскую

систему при помощи ее же оружия и отрезать большой кусок от (для большинства весьма скудного) собесовского пирога.

Профессиональная реинтеграция

Для основной массы инвалидов оставался только один выход (не считая попрошайничества) — устройство на работу. На это была направлена и государственная политика. Хотя в ноябрьском постановлении правительства 1941 года подтверждалось право инвалидов войны на трудоустройство на предприятия, в учреждения и кооперативы, уже спустя некоторое время это право превратилось не только в обязанность, но и в принудительную меру. Партия и правительство ожидали от инвалидов, что они будут трудиться в тылу так же, как и на фронте, где, собственно, было их место.

Однако почти повсеместно инвалиды, вернувшиеся на производство, были предоставлены самим себе. По закону предусматривалась многоступенчатая система помощи и реинтеграции, включая необходимую переквалификацию. Но на деле «реинтеграция» инвалидов становилась непосредственным результатом того безвыходного положения, в котором они оказались. Они были попросту вынуждены соглашаться на любую работу, которая им предлагалась. Ни немногочисленные и плохо оснащенные учебные заведения собесов, ни предприятия, находившиеся под прессом выполнения плана, не были в состоянии или вовсе не стремились обеспечить переквалификацию инвалидов. В конечном счете больше половины инвалидов остались поначалу вообще без переподготовки, и предположительно 15% прошли (сомнительную) переквалификацию [35,с. 78].

В результате большинство инвалидов должно было довольствоваться подсобной работой [36,с. 54], оплата которой достигала всего лишь трети обычного заработка. К тому же работа сторожем и вахтером не предусматривала доплат за перевыполнение нормы. Кроме того, низкое положение в трудовой иерархии означало ограниченный доступ к имевшимся на предприятиях ресурсам социального обеспечения. Особенно отчетливо это

было заметно при распределении жилой площади, которая в годы войны приобрела особую ценность. Хотя согласно постановлению правительства инвалиды войны должны были в первую очередь обеспечиваться жильем, предприятия заботились прежде всего о здоровых, квалифицированных рабочих руках, в которых они нуждались. Для инвалидов оставались бараки со вшами, без воды и электричества, без отопления и даже нередко без кроватей [37,с. 76].

Тем временем пресса и радио восхваляли почти полную реинтеграцию инвалидов третьей группы и прославляли их как героев труда. Наркомат социального обеспечения распространял истории об успехах инвалидов войны, которые, будучи передовиками производства, добились высоких достижений [38,с 94]. Безусловно, такие случаи были, но они обрастали слухами, которых, в конечном счете, оказывалось гораздо больше, нежели реальных историй. Источники говорят, как раз об обратном — например, о том, что наибольшая часть инвалидов-ветеранов, как правило с тяжелыми увечьями, принадлежала одновременно и к «поколению победителей», и к «проигравшим». Платой за «службу родине» для многих стали социальная деградация, жизнь в нищете и отсутствие крова над головой.

По окончании войны, когда миллионы демобилизованных устремились на рынок труда, повсеместно резко увеличились увольнения инвалидов, вынужденно принятых на работу во время войны. Даже в кооперативах инвалидов, с одной стороны, окруженных вниманием пропаганды, а с другой, стремившихся к выполнению плана, было занято практически такое же количество инвалидов, как и в среднем на всех советских предприятиях [39,с. 64]. Некоторые директора колхозов, пытаясь избавиться от малопродуктивных инвалидов, доносили на них как на «тунеядцев» в органы и приговаривали их тем самым к депортации [40,с. 82]. Генеральный прокурор СССР был даже вынужден отметить в конце 1940-х годов растущую дискриминацию инвалидов войны. На эту тенденцию он указывал, в частности, в своем докладе

Верховному Совету. Однако никаких реальных изменений политики за этим не последовало [41,с. 39].

Стратегии выживания и формы протеста

Если верить свидетельствам современников и художественным произведениям, распространение алкоголизма среди инвалидов войны было, как правило, следствием разочарования, поскольку, несмотря на свой молодой возраст, они ощущали себя «лишними» людьми. Другая часть инвалидов изобретала способы активного выживания, которые были в ходу и в других европейских обществах, прошедших через войну. По меньшей мере вплоть до денежной реформы в декабре 1947 года неотъемлемой частью картины повседневной жизни советских городов, формировавшей общественное восприятие, были инвалиды, просящие милостыню на вокзалах, рынках, перед (кино)театрами и в других общественных местах или агрессивно попрошайничающие и пытающиеся при помощи разных мелких нелегальных махинаций свести концы с концами [42,с.33]. Как показали Джули Хесслер и Джеффри Джоунс, мелкие скупщики спекулянты могли в первые послевоенные годы заниматься своим бизнесом, не опасаясь преследований милиции [43,с. 52]. Теневая экономика допускалась потому, что она выполняла важную роль в снабжении населения. Фронтовики-инвалиды обладали к тому же определенной «свободой шутов». Однако сразу после отмены в конце 1947 года карточной системы государство усилило борьбу со спекуляцией и криминалом. В конце 1940-х годов органы милиции с возрастающей жесткостью преследовали тех, кто так или иначе обосновался в серых зонах советского общества. Среди арестованных оказывались также и калеки, которым отныне грозили принудительные работы в лагерях для инвалидов ГУЛАГа.

В отличие от других государств-участников войны, в Советском Союзе запрещалась организация ассоциаций ветеранов и инвалидов. Все спонтанно возникшие объединения такого рода были закрыты сразу же по окончании

войны [44,с. 16]. Роль информационных бирж и мест встречи ветеранов и инвалидов какое-то время играли небольшие кафе, пивные и рестораны, получившие в народе название «Голубой Дунай». Но и они были закрыты государственными органами в 1948 году [45,с. 79]. Несмотря на многочисленные свидетельства о широком недовольстве среди инвалидов войны при Сталине, до коллективных протестов, насколько известно, дело тогда не дошло. Как правило, сцены возмущения разыгрывались в местных собесах, и недовольство направлялось против мелких представителей власти, или находились другие виновные. Примером тому может служить антисемитизм послевоенной поры, распространенный также и среди инвалидов. Он подпитывался дурными слухами о «шкурничестве» евреев на войне и подогревался тем обстоятельством, что многие врачи и руководители ВТЭКов были евреями и в глазах пациентов несли ответственность за массовую практику снижения степени инвалидности и незаслуженные издевательства с регулярными контрольными комиссиями. Все это происходило в то время, когда в ходе кампании против «космополитов» разжигались антиеврейские настроения и проводились многочисленные аресты. Накануне «дела врачей» руководство ВТЭК стало жертвой доносов [46,с. 77]. Однако произошедшие события не оказали ровным счетом никакого воздействия на практику признания инвалидности.

Культ войны и забота об инвалидах

Даже в брежневский период большинство инвалидов войны не обеспечивалось должным образом, несмотря на сформировавшийся к тому моменту высокопарный культ войны. Конечно, после первых шагов, сделанных в хрущевский период, руководство страны продолжало расширять льготы участникам войны, список которых с 1965 года регулярно пополнялся каждые пять лет, как правило, к «круглым датам». Инвалидам войны предоставлялись более обширные льготы по сравнению с ветеранами — например, бесплатный проезд в общественном транспорте, один раз в год бесплатный проезд по

железной дороге, а также разного рода налоговые льготы, внеочередное обеспечение жильем и телефонами, льготные тарифы платы за квартиру и коммунальные услуги, покупка вне очереди мебели, ковров, телевизоров, холодильников и так далее [47,с. 63]. Сомнительно, правда, могли ли выпячиваемые пропагандой достижения действительно компенсировать ограничения профессиональной пригодности и сокращение заработка, которые коснулись инвалидов за двадцать лет, прошедшие после войны [48,с. 68]. И все же государство, освобождаясь от догм сталинского периода, признало теперь их право на запоздалую компенсацию. Тем не менее даже в новых условиях многие инвалиды войны оставались «нищими победителями» и страдали от несоответствия между социально-политическими обещаниями и их исполнением. Прежде всего это касалось обеспечения функциональными, надежными протезами и инвалидными колясками.

Большая часть военного поколения пережила годы перестройки как время деградации системы социального обеспечения ветеранов и инвалидов и девальвации их почетного общественного статуса, который, как и культ войны, утратил свое былое значение. В глазах участников войны приобретение политической свободы не могло возместить эту двойную потерю. Несмотря на новые свободы и гласность, инвалиды войны не фигурировали ни в исторических дебатах, ни в обновленной историографии. На то были разные причины. С одной стороны, с точки зрения официального нарратива войны их следовало считать не жертвами, а скорее любимцами режима. С другой стороны, в (пост)советском обществе инвалидам всегда уделялось ограниченное внимание. В этих условиях вряд ли можно было бы ожидать, что тема инвалидов войны будет критически рассмотрена историографией. Поэтому история инвалидов осталась одним из белых пятен в книге истории войны, а при ближайшем рассмотрении — темным пятном прошлого [49,с. 75].

Список литературы:

1. Великая Отечественная война 1941–1945: в 4 т. — Т. 3. — М.: Воениздат, 1999. — С. 356–358; Мировые войны XX века: в 4 т. Кн. 3: Вторая мировая война. Исторический очерк / Ин-т всеобщей истории РАН. — М.: Наука, 2002. — С. 465; Советская жизнь, 1945–1953: сб. документов / сост. Е. Ю. Зубкова [и др.]. — М.: РОССПЭН, 2003.
2. Herling G. Welt ohne Erbarmen. — Wien: Zsolnay, 2000. (Ориг.: Inny Świat. Zapiski sowieckie. — London, 1953); Bardach J., Gleeson K. Surviving Freedom. After the Gulag. — Berkeley, CA: University of California Press, 2003.
3. Schewtschenko A. Mein Bruch mit Moskau. — Bergisch-Gladbach: Lübbe, 1985. — S. 71. (Первое изд.: Shevchenko A. N. Breaking with Moscow. — New York: Knopf, 1985).
4. Kravtschik G. B. Dornenwege. Ein Leben unter Stalin. — Bremen: Donat, 1989; Leder M. My Life in Stalinist Russia. An American Woman Looks Back / ed. by L. Bernstein. — Bloomington, IN: Indiana Univ. Press, 2001; Одесский М. П., Фельдман Д. М. Выйти живым из строя. Русская литература, поэтика болезни, здоровья и труда // Дружба народов. — 1994. — № 3. — С. 191.
5. Зинич М. С. Будни военного лихолетья 1941–1945. — М.: ИРИ РАН, 1994; Палецких Н. П. Социальная помощь инвалидам Великой Отечественной войны на Урале в 1941–1945 гг. // Очерки горнозаводского Урала. — Челябинск: Каменный пояс, 1996. — С. 91–108; Кондакова Н. И. Война, государство, общество. 1941–1945. — М.: Луч, 2002.
6. Krivosheev G. F. (Ed.). Soviet Casualties and Combat Losses in the Twentieth Century. — London: Greenhill Books, 1997. — P. 91–92.
7. Зинич М. С. Указ. соч. — С. 21; Шишкин А. П. Спорные вопросы санитарных последствий войны // Советская медицина и здравоохранение в годы Великой Отечественной войны: материалы науч. конф. (май 1990 г., г. Москва). — М.: [Б. и.], 1991. — С. 129.

8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 511. Л. 106.
9. Мурманцева В. С. Женщины в солдатских шинелях. — М.: Воениздат, 1971. — С. 9; Erickson J. Foreword // Krivosheev G. F. (Ed.). *Soviet Casualties...* — P. XI
10. Трудовое устройство инвалидов: пособие для инспекторов отделов социального обеспечения. — М.: Гострудиздат, 1952. — С. 29, 56; Burton Ch. *Medical Welfare During Late Stalinism. A Study of Doctors and the Soviet Health System, 1945–1953: Ph.D. Dissertation.* — University of Chicago, 2000. — P. 268–269; Ewing S. *The Science and Politics of Soviet Insurance Medicine // Health and Society in Revolutionary Russia* / eds. S. S. Gross, J. F. Hutchinson. — Bloomington, IN: Indiana Univ. Press, 1990. — P. 89; Schwarz S. M. *Arbeiterklasse und Arbeitspolitik in der Sowjet-Union.* — Köln: Bund-Verlag, 1953. — S. 339.
11. Возвращение к трудовой деятельности инвалидов Отечественной войны: сб. постановлений и инструкций / под ред. Н. М. Ободана. — Л.: Лениздат, 1943.
12. Очередные задачи органов социального обеспечения: материалы Всерос. совещ. руководящих работников соц. обеспечения (май 1945 года). — М.: [Б. и.], 1945. — С. 25; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 29. Д. 166. Л. 116–117; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 511. Л. 107.
13. Madison B. Q. *Social Welfare in the Soviet Union.* — Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1968. — P. 81.
14. Инструктивное письмо о работе ВТЭК в условиях военного времени, 9 августа 1941 г. // ГАРФ (РСФСР). Ф. А-413. Оп. 1. Д. 234. Л. 182–183.
15. Справочник по врачебно-трудовой экспертизе инвалидов войны / под ред. А. Я. Авербаха, М. В. Широковой. — М.: Медгиз, 1943. — С. 12–17.
16. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46. Д. 3378. Л. 2.
17. БСЭ. — 2-е изд. — Т. 17. — М.: Сов. энцикл., 1952. — Стб. 611.

18. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 44. Д. 977. Л. 214; Ф. 5446. Оп. 44. Д. 976. Л. 135; ГАРФ (РСФСР). Ф. А-413. Оп. 1. Д. 359. Л. 15; Ф. А-413. Оп. 1. Д. 361. Л. 123; РГАСПИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 11. Л. 47.
19. Заявление народного комиссара социального обеспечения Сухова в мае 1945 года // Очередные задачи органов социального обеспечения. — С. 25.
20. ГАРФ (РСФСР). Ф. А-413. Оп. 1. Д. 838. Л. 72–74; Ф. А-413. Оп. 1. Д. 774. Л. 1–3; Ф. А-413. Оп. 1. Д. 1930. Л. 20; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 29. Д. 330. Л. 67–68; Ф. 5451. Оп. 29. Д. 800. Л. 21.
21. Заявление в Совет министров СССР, 4 декабря 1946 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 3241. Л. 26.
22. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46. Д. 3378. Л. 3.
23. Arnold S. R. «Schwierige Momente können auch wunderschön sein». Interview mit Viktor Pyotrič Litz am 1.2. 1992 in seiner Wohnung in Moskau // Deutsche Studien. — 1993. — Bd. 118. — S. 142–143.
24. Трудовое устройство инвалидов Отечественной войны // Правда. — 1944. — 8 апр.; Всенародная забота о защитниках родины // Правда. — 1945. — 23 мая.
25. Attwood L. Creating the New Soviet Woman. Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922–53. — Houndmills; Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1999. — P. 155–158; Krylova A. «Healers of Wounded Souls»: The Crisis of Private Life in Soviet Literature, 1944–1946 // Journal of Modern History. — 2001. — Vol. 73. — P. 307–331.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 145. Л. 36; Ф. 17. Оп. 122. Д. 157. Л. 81–82; Ф. 17. Оп. 88. Д. 470. Л. 77–83; Ф. 603. Оп. 1. Д. 8. Л. 192–194; Ф. 603. Оп. 1. Д. 13. Л. 80.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 71. Л. 196; Ф. 17. Оп. 131. Д. 36. Л. 10.
28. Материальное обеспечение при инвалидности, старости, за выслугу лет и по случаю потери кормильца: сб. указов, постановлений и распоряжений правительства, приказов и инструкций министерств и ведомств. — М.: Юрид. лит., 1948. — С. 510–511.

29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 299. Л. 66; Ф. 17. Оп. 122. Д. 100. Л. 7, 60, 97, 114, 127, 130, 151, 228; Ф. 17. Оп. 122. Д. 101. Л. 145; Ф. 17. Оп. 121. Д. 425. Л. 29; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 44. Д. 976. Л. 148.
30. ГАРФ (РСФСР). Ф. А-413. Оп. 1. Д. 250. Л. 3, 51, 54–55; Шепелев В. Забота об инвалидах Отечественной войны // Красная звезда. — 1944. — 31 авг.; Очередные задачи органов социального обеспечения. — С. 8–9.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 604. Л. 2; Ф. 17. Оп. 121. Д. 425. Л. 102; ГАРФ (РСФСР). Ф. А-339. Оп. 1. Д. 2268. Л. 18, 21; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 29. Д. 397. Л. 146.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 673. Л. 17 – 20; Ф. 17. Оп. 118. Д. 394. Л. 240, 246, 248.
33. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 588. Л. 37.
34. Zubkova E. Die sowjetische Gesellschaft nach dem Krieg. Lage und Stimmung der Bevölkerung 1945/46 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 1999. — № 47. — S. 363–383.
35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 71. Л. 145; Ф. 17. Оп. 117. Д. 444. Л. 24; Ф. 17. Оп. 116. Д. 172. Л. 10.
36. Zubkova E. Russia After the War. Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957. — Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1998. — P. 27.
37. ГАРФ (РСФСР). Ф. А-339. Оп. 1. Д. 5903. Л. 4.
38. Глазунов А. Д. Забота Советского государства об инвалидах войны. — М.: Мысль, 1981. — С. 49–64.
39. over Germany // Radio Liberty Research. — München, 1980. — № 167. — P. 1.
40. Fieseler B. Die Invaliden des «Großen Vaterländischen Krieges» der Sowjetunion. Eine politische Sozialgeschichte 1941–1991. — Köln: Böhlau Verlag, 2005.